

Когда с яйцами было покончено, Тан Кайци подал Чжун Маню салфетку вытереть руки и протянул стакан воды. Тот диву давался, сколько всего Кайци умудрился прихватить с собой.

— Тан Кайци, сколько я тебе должен за врачей и снимки? — спросил он.

— Да копейки, не бери в голову, у меня еще остались деньги.

Чжун Мань, у которого сейчас за душой не было ни гроша, твердо произнес:

— Я всё верну. В двойном размере.

Кайци добродушно осклабился:

— Не надо ничего. Батя говорил, твоя семья нам сильно помогла, так что я твой должник. Потратиться на тебя — это за радость.

Чжун Мань промолчал, но про себя решил: как только вернет зрение и восстановит справедливость в семье Чжун, он подарит дом в Гадани Тан Кайци. Если его подремонтировать, выйдет отличное жилье — глядишь, и невесту себе парень найдет.

Спустя час ожидания вынесли снимки. Они пошли на прием к врачу.

Лысоватый доктор долго разглядывал пленку и тяжело вздыхал:

— Поглядите-ка. Несколько крупных гематом давят прямо на нерв. Еще и спайки какие-то... в общем, неразбериха полная.

Чжун Мань и сам об этом догадывался: видать, мачеха подменила мазь для прижигания на состав, вызывающий тромбоз. Слова врача лишь подтвердили его опасения.

— И что теперь делать? — с тревогой спросил Кайци.

— Возле глаз нервных окончаний уйма, — развел руками врач. — Мы за такое не возьмемся. Честно скажу, даже в Пекине вряд ли дадут гарантию. Слишком велик риск.

Пальцы Чжун Маня сжались так, что костяшки побелели.

— Но лечить-то надо! — горячился Кайци. — Он же молодой совсем, не может он всю жизнь слепым быть!

Врач, опасаясь ответственности, предпочел консервативный метод. Он быстро чиркнул в рецептурном бланке:

— Выпишу лекарство, чтоб кровь разогнать. Втирайте, а если не поможет — поезжайте в город покрупнее. В нашей уездной дыре за такие операции не берутся.

Тан Кайци забрал рецепт, поблагодарил и вывел Чжун Маня из кабинета. — Посиди тут, я мигом в аптеку и обратно.

Чжун Мань опустился на стул, бледный как полотно. В голове был хаос. Он не думал, что всё настолько серьезно, и спокойствие окончательно его покинуло.

У него было столько дел, столько планов, и для всего нужны были глаза. Врач сказал, что даже в столице нет гарантий, но там хотя бы есть шанс. Вот только на столичных врачей нужны огромные деньги, а всё наследство отца теперь у мачехи...

«Что же делать? Что делать?»

Он всегда привык полагаться на себя, но сейчас столкнулся с такой безысходностью, что руки опускались.

Когда Тан Кайци вернулся с лекарством, сердце у него сжалось при виде поникшего Чжун Маня.

Да, Чжун Мань остался таким же смелым и справедливым, как в детстве. Но он изменился. Тот мальчик был ярким, сияющим, всегда в центре внимания. А этот стал молчаливым, скрытным, вечно о чем-то думал и подолгу смотрел в пустоту.

«Сколько же ему пришлось пережить, чтобы так перемениться?»

Кайци глянул на заветную баночку в руках. Он подумал: а что, если глаза поправятся, и Чжун Мань снова станет тем прежним веселым мальчишкой?

На обратном пути Чжун Мань всю дорогу молчал, прислонившись головой к окну автобуса.

Тан Кайци чувствовал его подавленность, но слова утешения давались ему с трудом. Уже дома, когда он катил велосипед к воротам, он негромко сказал:

— Будем мазать мазью, авось и поможет.

Чжун Мань ничего не ответил. Он не верил в чудо.

Но вечером, когда Кайци принялся наносить мазь, он не стал сопротивляться.

Пальцы у Кайци были грубые, в мозолях, и когда они касались нежной кожи вокруг глаз, Чжун Мань чувствовал каждое прикосновение.

— Тан Кайци, какой ты сейчас на вид? — вдруг спросил он.

Кайци замер с бинтом в руках:

— Обычный. На человека похож.

Чжун Мань под повязкой закатил глаза.

Он протянул руку:

— Я занимался скульптурой. Дай мне потрогать твоё лицо, я смогу тебя представить.

Но Тан Кайци перехватил его запястье, не давая коснуться себя.

— Потерпи пока. Хочешь знать, какой я — мажься прилежно. Как глаза прорежутся, сам увидишь.

Чжун Мань невольно усмехнулся.

Ночью сон не шел: мысли о вечной слепоте отравляли разум.

При всей своей самостоятельности, он был лишь двадцатилетним юношей, и груз проблем порой казался невыносимым. Но он заметил странную вещь: стоило ему перекинуться парой слов с Кайци, даже если они спорили, на душе становилось легче.

— Тан Кайци, а если я никогда не вылечусь? Тогда я не смогу уехать.

— Не сможешь и не надо, — отозвался Кайци. — Это же твой дом. Куда тебе еще ехать?

— А как же ты?

Тан Кайци задумался:

— Ну, я буду за тобой ходить. Кормить, поить. А ты мне за это позволишь и дальше в твоём

доме жить. По рукам?

Чжун Мань хотел рассмеяться, но сдержался:

— А как же жена? Тебе же жениться надо.

Кайци вздохнул:

— Денег у меня на жену нет. Брат вон уже какой лоб, а всё холостой. Мать говорит, сначала его женить надо. Хотя... — он понизил голос: — Брат у меня такой страхолюдина, вряд ли кто за него пойдет.

В памяти Чжун Маня Тан Кайцэ вовсе не был уродом. Он помнил его как серьезного, спокойного парня. Когда он приходил к ним играть, Кайцэ вечно сидел над книгами, пока младший Кайци носился по двору.

— Ты так говоришь о брате... а если он узнает?

— Да пускай. Он про меня тоже не молчит. Говорит, что я и страшный, и бестолковый.

— Ну, тут твой брат, пожалуй, не соврал, — шепнул Чжун Мань.

Кайци не расслышал:

— А? Что ты сказал?

— Ничего. Спать пора. — После этого короткого разговора тоска отступила. Чжун Мань повернулся на бок и вскоре уснул крепким сном.

Дождавшись, когда дыхание гостя станет ровным, Тан Кайци тихонько приподнялся:

— Мими? Куайкуай? Чжун Мань?

Никакого ответа.

Убедившись, что тот спит мертвым сном, Кайци бесшумно слез с кана, прокрался в восточную пристройку и выудил из чана спящего Люй Маоданя.

Он насухо вытер его полотенцем и принес в комнату. Положив гу на ухо Чжун Маню, он уселся рядом в позе лотоса и мысленно приказал паразиту сжаться. Когда Люй Маодань стал

размером с муравья, Кайци велел ему заползти в ушную раковину гостя.

— Найди сгустки крови и рассоси их. Не торопись, делай всё осторожно.

Тан Кайци никогда раньше не пробовал ничего подобного, но бабка сказывала, что их гу могут входить в человеческое тело и исцелять недуги по воле хозяина. Вот только такая манипуляция требовала от хозяина колоссального душевного напряжения.

Кайци видел, как Чжун Мань жаждет вернуть зрение.

Ради него он был готов рискнуть. В крайнем случае, он мог гарантировать, что Люй Маодань не причинит Чжун Маню никакого вреда. Когда его брату в икру впилась пиявка, он с помощью гу вытащил её без следа. Но кровавые сгустки на глазных нервах — это совсем другое дело. Тут нужна была ювелирная точность.

Спустя полчаса Тан Кайци был весь в поту. Когда Люй Маодань выбрался из уха Чжун Маня, руки у Кайци дрожали.

— Молодец, Люй Маодань, — прошептал он, тяжело дыша и нежно гладя гу пальцем. — В следующий раз продолжим.

<http://bllate.org/book/18973/1864239>